

ДИСКУССИЯ

УДК 165.42

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-6-14

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И МЕТОД СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Аргамакова Александра Александровна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная 12/1, ком. 315; e-mail: argamakova@gmail.com

Социология как метод изучения науки, технологий и знания показывает историчность, изменчивость, относительность, контекстуальность и ситуативность научных представлений. Обычный итог социально-эпистемологического исследования заключается в установлении зависимости знания от тех или иных форм коллективной субъектности в отличие от нейтральной «объективной реальности», как сказали бы научные реалисты, кристаллизованной в научной картине мира. Не удивительно, что исторически проект социальной эпистемологии встречает несколько несовместимых реакций в ответ на сам принцип и программу социологического обоснования знания. Социальная эпистемология как внутренне, так и внешне далеко не однозначно соотносится с вопросами об объективности познания, научном реализме и релятивизме. Ее метод мог восприниматься либо скептически – в духе интернализма и научного рационализма, либо нейтрально – как данность, с которой имеет дело социолог, либо, наоборот, положительно – в качестве действенного способа достижения большей объективности и рефлексивности познания. Проблема, к которой мы обратимся, состоит в следующем: с одной стороны, научное знание и всякое знание должно быть объективным (целерациональная установка познания); с другой стороны, социология показывает его относительность и субъективность. Ее конкретизирует отчасти последующая формулировка: как субъективные и объективные свойства знания могут сочетаться и как социальная эпистемология объясняет или должна объяснить это сочетание? В отношении метода социальная эпистемология принимала как нормативную, так и дескриптивную установку с разными обязательствами. Как нормативная дисциплина, она должна была устанавливать критерии объективности и как-то направлять ученых. Как дескриптивная дисциплина она могла описывать фактически какие факторы влияют на познавательную практику, уходя от ответственности за происходящее. Но даже в таком виде она не может до конца уклониться от объяснений того, чем является объективное и субъективное, социальное и

фактуальное, коллективное и индивидуальное знание.

Ключевые слова: социальная эпистемология, социология знания, объективность, субъективизм, когнитивные способности, релятивизм, скептицизм, реализм, научные войны

Цитирование: Аргамакова А.А. Объективность и метод социальной эпистемологии // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 6-14. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-6-14.

OBJECTIVITY AND THE METHOD OF SOCIAL EPISTEMOLOGY

Alexandra A. Argamakova – PhD in Philosophy, scientific fellow, Department of Social Epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharynaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: argamakova@gmail.com

Sociology as the research method for science, technology and knowledge reveals historicity, variability, relativity, contextuality along with the situatedness of scientific beliefs. The usual outcome of sociological and epistemological research would be the dependence of knowledge from various forms of collective subjectivity in contrast to neutral "objective reality", as scientific realists believe, crystallized in rational worldviews. Not surprising if historically the project of social epistemology meets diverse and incompatible reactions on its main principle and program of sociological justification of knowledge. In the inner and outer contexts, social epistemology has been differently correlated with the questions of objectivity, scientific realism and relativism. Its method could be treated in a range of attitudes: skeptically as it follows from internalism and scientific rationalism; or neutrally as a kind of facticity researched by sociologists; or, on the contrary, as a reliable way for increasing objectivity and reflexivity of cognition. What we explore is the following question: scientific knowledge as well as any kind of knowledge must be objective (from a purpose-oriented setting of cognition), even if sociology shows its relativity and subjectivity. What is specified in the subsequent dilemma: how subjective and objective properties of knowledge can be combined and how should social epistemology explain this? It must be said additionally that the method of social epistemology takes normative and descriptive forms, with different obligations. As a normative discipline, it must set the criteria for objectivity and somehow lead the scientists. As a descriptive discipline, it may tell what kinds of factors actually influence the practice, escaping from responsibility for what is happening. But even then social epistemology cannot avoid the reluctant explanations of what is objective and subjective, social and factual, collective and individual types of knowledge.

Keywords: social epistemology, sociology of knowledge, objectivity, subjectivism, cognitive ability

ties, relativism, skepticism, realism, science wars

For References: Argamakova, Alexandra. 2022. Objectivity and the method of social epistemology, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4): 6-14. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-6-14 (In Russian).

Социальную эпистемологию понимают в двух смыслах, и один из них менее строгий и более широкий, нежели другой. Во-первых, в широком смысле социальная эпистемология – это исследование науки и знания, которое применяет социологию как метод познания. Исходя из столь бесхитростного критерия, к ней могут быть отнесены социологи науки и социологи знания, социальные философы науки, адепты эпистемологии добродетелей, конструктивисты, феминистские философы и другие охотники до коллективных верований.

Во-вторых, социальная эпистемология включает те и только те исследовательские программы, авторы которых отождествляют себя с этой областью или выступают в качестве последователей ряда классических фигур (Д. Блур, Б. Барнс, Д. Генри, С. Фуллер, Э. Голдман, Ф. Шмитт и др.). Говоря проще, социальным эпистемологом является тот, кто изучает социальные условия познания и так себя называет [Аргмакова, 2018], [Шиповалова, 2014], [Мотрошилова, 2011].

И тех и других объединяет социология и некое ядро концепций, которому они привержены или наследуют с точки зрения базовых проблем, понятий, языка и концепций. Метод социальной эпистемологии применительно к научному знанию показывает:

- зависимость знания от тех или иных форм коллективности;
- корреляцию знания не с объективной реальностью, но с субъективными формами репрезентации, конструирования, детерминации, согласования;
- социальную природу представлений;
- историчность знания;
- изменчивость знания;
- прагматичность знания;
- неопределенность и неполноту знания;
- несоизмеримость знания;
- зависимость знания от языка и коммуникаций, социальных по своей природе;
- конвенциональность языка и выраженного в нем знания;
- зависимость знания от контекста, ситуации, случая;
- ограниченность (локальность) знания;
- субъективные факторы формирования идей и убеждений;
- относительность знания.

Таким образом, появляется проблема, которую мы и собираемся рассмотреть: с одной стороны, научное знание должно быть объективным и всякое знание должно быть объективным (согласно целерациональной установке познания); с другой стороны, социология показывает его относительность и субъективность. Вторая

формулировка для этой проблемы: как субъективные и объективные свойства знания сочетаются друг с другом и каким образом социальная эпистемология объясняет или должна объяснять это сочетание?

По мнению Л. Дастон и П. Галисона, объективность появляется не сразу, вместе с началом философии и эпистемологии, но в XIX веке благодаря целому арсеналу научных техник, изобретение которых позволило ограничить произвол субъективной самости ученого. Среди прочих к таким техникам относились: графические изображения, статистический вывод, численные методы, клинические испытания, самопишущие приборы, квантификация, формализация и т.п. [Дастон, Галисон, 2018, с. 54–55, 69, 102].

Другие исследователи указывали на то, что представления об объективности начали формироваться в схоластической философии (См.: [Шиповалова, 2017, с. 193–216]). Не различимые когда-то прежде понятия истины и объективности постепенно разошлись в своем смысловом содержании [Вархотов и др., 2018]. Если для философов соотношение истины и внешней реальности превращалось в сложно разрешимую проблему, то объективность могла стать тем спасительным кругом, к которому прибегали после очередного крушения рациональных основ познания.

Социальная эпистемология совершала свои первые шаги, непосредственно обратившись к тому, что раньше считалось иррациональными и вненаучными (т.е. внешними и в каком-то смысле произвольными) основаниями идей¹. Сверхзадача, понятая как дезавуирование роли внешнего контекста в науке, могла пониматься в совершенно противоположных смыслах.

Интерналисты (А. Койре) и научные реалисты (А. Сокал, Ж. Брикмон) считали метод социологического объяснения теорий подрывом научной объективности и основополагающих принципов рационального мышления². Безрадостный вывод, к которому они дружно приходят: социальные описания порождают иррационализм и релятивизм, а значит, несовместимы с научной объективностью [Сокал, Брикмон, 2002], [Койре, 1985]. В свете сказанного, субъективное знание бесполезно, неудобно и всегда трактуется негативно. Оно подлежит элиминации как в научном познании, так и в философской рефлексии. Вопреки доминированию неклассических форм рациональности, научные реалисты оставались верны строгим принципам объективизма и натурализма.

¹ Произвольность означает ту меру свободы, которой обладают социальные явления в отличие от необходимости физических фактов, которая основана на естественнонаучном детерминизме. Впрочем, она может явиться прологом к пониманию социальной обусловленности в отличие от случайности социальных фактов и научных идей.

² Проблема объективности в связи с релятивизмом, реализмом и эпизодом научных войн в STS исследована, например, в диссертационной работе профессора СПбГУ Л.В. Шиповаловой [Шиповалова, 2014, с. 128–166].

Постпозитивисты, как Т. Кун, видели в социологии удачное дополнение к эпистемологии. Действуя заодно, они исследуют когнитивные и социальные механизмы формирования убеждений. Любое знание зависит от одобрения и принятия со стороны сообщества его носителей. Способами его удостоверения будут авторитет и доверие, не менее чем факты и эксперимент. Затем это знание будет многократно трансформировано в социальном опыте и политических контекстах [Barnes, Bloor, Henry, 1996]. Таким образом, социальная эпистемология нужна, чтобы распутать Gordian узел созависимости объективных и субъективных факторов в познании. Социология не отдаляет познание от реальности, а познающего от объективного. Обращаясь к межличностным коммуникациям, она проявляет еще один источник знания, кроме давно известных (чувства, разум, рассудок, интуиция, воображение и др.). Значит, субъективное и объективное могут непротиворечиво сочетаться в познании, подвергаться анализу как его не редуцируемые конститuenty, без подрыва каких-либо основ рационального мышления. Остается уточнить, какой вид субъективного знания допустим, а какой должен быть обращен в предмет критики и устранения.

Хотя Д. Блур и Б. Барнс считали социологию в этом смысле нейтральной. Социология исследует то, какие факторы включены в причинно-каузальные цепочки, приводящие к новым теориям. Социолог не изобретает факторы, порождающие знание, но регистрирует их влияние на производство научных теорий. Социология, как внешний наблюдатель, показывает разные стороны того, как мыслят ученые, и то, что вероятно повлияло на их убеждения [Bloor, 1991]. Лучшим ее методом будут нейтралитет и дескрипции.

Однако ничто не мешает понять социальную эпистемологию ровным счетом наоборот – в качестве метода приближения к большей объективности научных истин. В таком случае она содействует сдерживанию своеволия субъективности, которая так или иначе проявляет себя в конкретной познавательной ситуации. По этому поводу Л. Дастон и П. Галисон в своей книге об объективности замечают: «Если объективность была призвана к существованию для того, чтобы отрицать субъективность, то возникновению объективности должно соответствовать появление определенного типа своевольной самости, воспринимаемой как угроза научному знанию» [Дастон, Галисон, 2018, с. 81].

Согласно Л. Дастон и П. Галисону, объективность – не абстрактная норма, но историческое множество практик и система нравственных добродетелей [Баева, 2018, с. 50]. Объективность зависит от эпистемологических режимов, сформированных на основе исторической конфигурации добродетелей и техник визуализации объектов, откуда Л. Дастон и П. Галисон исследуют объективность через способы изображения рабочих объектов в науке (атласы, рисунки, фотографии, рентген, гравюры, литографии, цифровые образы и прочее) [Вархотов и др., 2018, с. 23–25].

Научная объективность достигается через тренировку суждения, приобщение к эпистемическим добродетелям и к тому, что было названо в общем этикой ученой самости. Объективность не относится к достоверности убеждений, потому что реконструируется на основе графических форм репрезентации знания. В истории науки добродетели ученых могли изменяться до неузнаваемости. И вместе с эпистемическими добродетелями изменялись режимы объективности (истина-по-природе, механическая, структурная объективность, тренированное суждение, репрезентация природы) [Дастон, Галисон, 2018].

Некоторые из режимов, как механическая объективность, намеренно накладывали ограничения на волю ученых и субъективные искажения результатов познания. Другие, наоборот, поощряли гений и конструирующее вмешательство в природу [Вархотов и др., 2018]. Механическая объективность, по замечанию Л. Дастон, старалась упразднить идеализирующие проекции человеческого разума на природу, в противоположность ей коммунитарная объективность лишь уклоняется от субъективности, производной от индивидуального и частного, от узости взгляда и перспективы отдельного исследователя и научного коллектива [Шиповалова, 2014, с. 100]. Но в любом случае объективность зависит от самости, от исторически обусловленной личности исследователя, от практикующихся режимов репрезентации объектов. Достижение объективности так или иначе обеспечивали добродетели ученого, устанавливающие режим познания объектов.

Так как социальная эпистемология позволяет исследовать организацию науки и принципы менеджмента знания, она понималась не только в виде развития когнитивных способностей (С. Фуллер) и экспликации эпистемических добродетелей (Л. Дастон, П. Галисон), но как усовершенствование исследований – от организации лабораторий и экспертных сообществ до управления крупными научными институтами (С. Фуллер, Г. Коллинз, И.Т. Касавин и др.). Однако для С. Фуллера, как для Д. Блура и Б. Барнса, достижение истинного и объективного знания не есть основная интенция социально-эпистемологического проекта. Для него важнее институционализированное знание (поскольку «социология касается того, что люди коллективно делают» по замечанию в [Barnes, Bloor, Henry, 1996, p.110]), и помимо того — социология организации и менеджмент науки, фундированность познания практической целесообразностью. Нормативный характер социальной эпистемологии как программы исследований означает, что она оказывает конструктивное влияние на организацию науки и «разделение когнитивного труда».

Изучение социальной природы идей релевантно вопросам социальной организации в самом абстрактном смысле. Так как социальная организация обладает эпистемическим аспектом. И поскольку включенные в социальные отношения акторы владеют знанием, которое они используют в коммуникации с другими,

в принятии решений, в управлении, в реализации власти. В практическом смысле социальная эпистемология принимает форму рациональной политики знания (*rational knowledge policy*) [Argamakova, 2015, p. 5–8]. Ее эффект может выражаться в поиске оптимальных способов утилизации научных идей и технических разработок для общественных и индивидуальных потребностей. Ценность знания в информационном обществе превращает эпистемологию и философию науки в профессиональную интеллектуальную «экипировку» и тренировку мышления, которые благоприятствуют политическим и социальным изменениям, а значит, процветанию социума.

По всей видимости, социальная эпистемология приводит к повышению объективности научного знания посредством сдерживания субъективных факторов познания и улучшения когнитивных способностей, или условий их применения, связанных с организацией исследований. И также она может оправдывать субъективное знание, политизировать условия его производства, релятивизировать любые научные результаты относительно познавательного контекста. Но если социологический метод применим для улучшения менеджмента науки, для повышения потенциала ученого за счет коллективных ресурсов, для различения внешних влияний и более фундаментальных элементов знания, разве это не должно стать решающим аргументом в пользу того, что социальная эпистемология ведет к достижению большей объективности и рефлексивности познания? Наконец, социальное не равно субъективному, даже если оно зависит от тех или иных форм коллективности. Субъективное знание – это знание, которое не является универсальным и общезначимым, даже если оно не обязательно ложно. Поэтому программа социальной эпистемологии допускает разные способы понимания своих основных интенций. Не случайной была и ее критика, которая желала прояснить последствия применения ее метода для науки.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Аргмакова, 2018 – *Аргмакова А. А.* Социальная эпистемология: вариативность точек отсчета и систем координат // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / ред. Касавин И.Т., Воронина Н.Н. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2018. С. 391-395.

Баева, 2018 – Баева А. В. Онтология и гносеология // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2018. № 3. С. 42-51.

Вархотов и др., 2018 – Вархотов Т. А., Гавриленко С. М., Иванов К. В., Писарев А. А. Объективность и ее история // Дастон Л., Галисон П. Объективность / пер. с англ. Т. Вархотов, А. Писарев, С. Гавриленко. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. С. 5-42.

Дастон, Галисон, 2018 – Дастон Л., Галисон П. Объективность / пер. с англ. Т. Вархотов, А. Писарев, С. Гавриленко. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 584 с.

Койре, 1985 – Койре А. В. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985. 286 с.

Мотрошилова, 2011 – Мотрошилова Н. В. Социальная эпистемология: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 15. № 5. С. 5-31.

Сокал, Брикмон, 2002 – Сокал А. Д., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом Интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

Шиповалова, 2014 – Шиповалова Л. В. Научная объективность в исторической перспективе: дис. ... д. филос. наук. СПб., 2014. 370 с.

Argamakova, 2015 – Argamakova A. A. Social Epistemology and Its Ways of Setting Policy // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 5-8.

Barnes, Bloor, Henry, 1996 – Barnes B., Bloor D., Henry J. Scientific Knowledge: A Sociological Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 230 p.

Bloor, 1991 – Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1991. 203 p.

Fuller, 2011 – Fuller S. Humanity 2.0. What It Means To Be Human Past, Present and Future. N. Y.: Palgrave Macmillan Publ., 2011. 265 p.

References

Argamakova, A.A. “Social Epistemology and Its Ways of Setting Policy”, *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2015, vol. 4, no. 3, pp. 5-8.

Argamakova, A.A. Sotsialnaia epistemologiya: variativnost tochek otscheta i sistem koordinat [Social Epistemology: The Variety of Reference Points and Coordinate Systems]. In: Kasavin I.T., Voronina N.N. (eds.) *Epistemologiya segodnia. Idei, problemy, diskussii* [Epistemology Today. Ideas, Problems, Discussions]. Nizhnii Novgorod: Nizhnii Novgorod University Publ., 2018, pp. 391-395. (in Russian)

Baeva, A.V. “Ontologiya i gnoseologiya” [Ontology and Gnosiology], *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 7, Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], no. 3, 2018, pp. 42-51. (in Russian)

Barnes, B., Bloor, D., Henry, J. Scientific Knowledge: A Sociological Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Bloor, D. Knowledge and Social Imagery. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1991.

Daston, L., Galison, P. Objektivnost [Objectivity]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018. (in Russian)

Fuller, S. Humanity 2.0. What It Means To Be Human Past, Present and Future. New York: Palgrave Macmillan Publ., 2011.

Koire, A.V. Ocherki istorii filosofskoi mysli [Essays on the History of Philosophical Thought]. Moscow: Progress Publ., 1985. (in Russian)

Motroshilova, N.V. “Sotsialnaia epistemologiya: novye problemy, diskussii i dikhotomii” [Social Epistemology: New Problems, Discussions and Dichotomies], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2011, vol. 15, no. 5, pp. 5-31.

Shipovalova, L.V. Nauchnaia objektivnost' v istoricheskoi perspektive [Scientific Objectivity in Historical Perspective]. Doctor's thesis. Saint-Petersburg, 2014. (in Russian)

Sokal, A.D., Brikmon Zh. Intellektualnye ulovki. Kritika sovremennoi filosofii postmoderna [Intellectual Impostures and Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science]. Moscow: Dom Intellektualnoi knigi Publ., 2002. (in Russian)

Varkhotov, T.A., Gavrilenko, S.M., Ivanov, K.V., Pisarev, A.A. Objektivnost i ee istoriia [Objectivity and Its History]. In: Daston L., Galison P. *Objektivnost* [Objectivity]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018. (in Russian)

Поступила в редакцию: 04.11.2022

Принята к публикации: 05.12.2022